

Светлана Белинская

СТИХИ

Маленький, отойди, большому не видно

романс под мандолину

Дышала ночь восторгом сладострастья.
Плыла луна, как в баню попадья.
Я у окна томилась в неге счастья...
Хотелось мне... Чего, не знаю я.
В кустах белел Володи новый китель
И звал меня к неведомым красам:
«Мамзель Катишь, пройтись не хотите ль,
Я вам конфет и фунт орехов дам».

Томилась я от неги и блаженства,
Как кот Матрос над свежим творогом...
Но я предвидела евонное мошенство:
Мужчинки все – обманщики кругом.
Но ах! Увы! Мечты мои разбиты –
Все идеалы тщетны и пусты...
Пришла маман, сказала: «Уходи ты!»
И проскользнула к кителю в кусты.

Я замерла и два часа внимала...
Маман мне крикнула из дальнего угла:
«Катюша, спать!» Я тихо зарыдала.
Я улеглась, но... спать я не могла-а-а-а...

Элегия

Брожу ль средь банковских атлантов,
Вхожу ль в кафе по вечерам,
Сижу ль меж тёмных спекулянтов, –
Я предаюсь своим мечтам.

Я говорю: ах, чует сердце:
Всем, сколько здесь ни видно нас,
Тюрьма свои откроет дверцы, –
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на крупного банкира, –
Я мыслю: денежный титан!
Очистишь ты карманы мира,
Как раз очистил мой карман.

Швейцару ли на чай вручаю, –
Уже болит душа моя:
Тебя теперь обогащаю,
А завтра буду нищим я.

День каждый, встречу, сделку, место
Привык я думой провожать,
Неотвратимые аресты
Меж них стараясь угадать.

И где изменит мне судьбина?
В кафе ли, в банке ль осрамлюсь,
Иль на продаже кокаина
Неоспоримо попадусь?

И хоть карману без кредитки
Равно повсюду изнывать –
Я всё ж хотел бы срок отсидки
В столице милой отбывать.

И пусть вне стен тюрьмы холодной
Дела по-прежнему кипят
И процветают многоплодно
Салол, железо и шпагат...

1916

Война и богема

У художника Алова,
Развесёлого малого,
Есть собачка по имени «Мумм»,
Есть подруга Тamarочка,
Стульев сломанных парочка
И нарядный весенний костюм.

У художника Алова,
Развесёлого малого,
Вся мансарда восторгом горит.
Алов барски валяется,
Мумм печёнкой питается,
А Тamarочка кофе варит.

Кончил Алов с заботами.
Вон икрою и шпротами
Убран солнечно радостный стол.
Знай целуйся с Тamarою,
Занимайся гитарою,
И лежи, как ленивый осёл.

У художника Алова
На Вильгельма Кровавого
Десять шаржей купил «Винегрет».
Лаёт Мумм, заливается,
Алов ест, наслаждается,
Вся Тamarочка – счастье и свет...
Тонкая, чёрная,

У художника Алова,
Разнесчастного малого,
Нет собачки по имени «Мумм»,
Нет Тamarы-блондиночки,
Развалились ботиночки
И заложен весенний костюм...

Там, за чёрною лестницей,
С пуделихой прелестницей
Потерявший фасонистость пёс
Обнаглел анархически,
Отощал аскетически,
Огрубел, как плимутский матрос.

В Летнем – нежная парочка:
Колька Львов и Тamarочка, –
А над ними – злодей Купидон.
В триста строчек без малого
На Вильгельма Кровавого
Продал Колька «Заре» фельетон.

Алов стонет и бесится,
Алов хочет повеситься:
Жизнь мрачна, как преступника бред, –
У художника Алова
На Вильгельма Кровавого
Не взял шаржей журнал «Винегрет!»

1915

Эпитафия члену жилтоварищества

199

Здесь, под холодной плитой с кубатурой в три метра,
Жилтоварищ Петров упокоенный спит.
В сей жилплощади нет ни морозов, ни ветра,
Коммунальных услуг счёт над ним не висит.

Жилтоварищ Петров! Ты отныне в квартире!
Ты по ордеру въехал – плюёшь на домком!
Так покойся, счастливец, во сладостном мире...
А сойдёмся когда – поделись уголком...